

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Рассказ

РАЗ, ДВА, три

Смотришь? Смотри!

Четыре, пять

не успеешь сосчитать

картинка меняется

меняет цвет

меня нет

поэтому

мгновения

наблюдения

за живой природой

кто дальше прыгнет, кто громче свистнет, кто

залезет на дерево, кто утонет в колодце

желтое солнце

белый ветер

радио поет:

«День потерян, день потерян, день потерян».

потеряно время

потеряно имя

всю долгую зиму

играли в слова

смотрели фильмы

а теперь

на дворе трава

на траве тела

такие дела

три-четыре, радиоголова!

«день потерян, день потерян, день потерян»

scatterbrain

scatterheart

скатертью дорога

вертопрах

виртуальный монах

а теперь все вместе на счет семь:

«потерян день, потерян день, потерян день....»

Я могу бесконечно долго рассказывать о тех, кого люблю.

Он — не мужчина, не женщина, не ребенок, не щенок. Я — тоже. Я не знаю, кто я.

Я все чаще говорю про себя «мы».

Мы — это все время по-разному. Мы — это все мои дуры, иногда одна, иногда ни одной, иногда две, иногда их много, и они кричат разными головами, и они совершают странные поступки, а мне (кому из?) остается только наблюдать за ними, меня становится мало, когда начинаются они.

Иногда «мы» — это я и Бильжо. Так его зовут. Однажды он сказал мне, что его имя Лию, Lijo, да-да, именно так, впрочем, нет, ты ослышалась.

Он — мой лучший друг.

Он знает мои руки, знает мои глаза, знает, как я дышу носом.

Я всегда улыбаюсь, когда смотрю на него.
Я смотрю на него все время.
А он смотрит на все, что вижу я.
Мы выбрали для себя самый лучший мир.
Мне очень приятно говорить «мы», хотя многие нас не понимают меня.
Это любовь.
Мало к кому я испытывала такую нежность.
Может быть, я просто разочаровалась в мужчинах, котятках и детях.
Меня все меньше интересует то, что снаружи.
Меня все больше интересует то, что видно.
Я бы хотела уехать из этой страны, если бы это что-то меняло. Но проще переодеться.
Хотя это не так уж важно.
Потому что...

Начинать жить можно с любого места.

Я могу бесконечно долго рассказывать о тех, кого люблю. К тому же у меня почти не осталось секретов. Потому что почти не осталось тех, от кого можно было бы что-то скрывать.

Почти никого не осталось.

Миллион вопросов, которые хочется задать Тебе, и я даже могу это сделать, но отвечать на них все равно придется самой, что бы ты ни сказал. Можно называть себя на Вы.

Раньше я думала, что есть что-то, кроме меня. Я была зла на это кроме. Я была зла, но зла не хватало. Потом я решила, что хватит. С меня хватит. Я хватилась — а никого и нету. Куда ни глянь — всюду я. И можно называть себя на Мы, а можно называть себя на Все — как угодно будет правильно. С любого места можно начинать жить.

Жуть.

Когда закладывает уши, как сейчас.

Две руки — чтобы держать себя за руку.

Два уха — чтобы одно другое слушало. Влетело — вылетело, ничего лишнего.

Я летела, и полет проходил на высоте десять тысяч метров. На высоте метр семьдесят, как обычно, только сидя. Температура за бортом: -50 градусов. На борту — 36 и 6. Было еще сколько-то в среднем и между. Всегда, когда оказываешься между (небом и землей, одним домом и другим домом, бизнесменом и бизнесменом, seat 9B, please, switch on your sweetbelt) — ты мост. Мост, который ничего не соединяет, потому что нет ничего, что было бы разделено, но все-таки мост. Бизнесмен слева пах перегаром и спал. Бизнесмен справа сначала пах потом, а потом так и не вернулся из туалета. Я смотрела «Лангольеров». Уши болели.

Если это имеет какое-нибудь значение, вскоре я увидела папу. Я даже увидела маму, если это важно. А тогда это было важно, потому что я сделана из них. Они вынашивали меня долгих сколько там лет. Потом родили, даже не успев толком со мной познакомиться. Потом все погасло, и наступило лето — 50 лет папе, наступила я на их землю. У них есть об этом кое-какое представление, потому что папа первым делом спросил меня про погоду. Я сначала не поняла вопроса, а потом вспомнила. Сказала, что у них тут намного лучше и теплее и дома стены помогают и воздух синь как узелок. Кажется, папа был рад это слышать. Кажется, он научился пускать колечки из дыма лучше меня.

Эти двое прочно обосновались в моей голове, они капают на темечки моим дурам, если только не орут на них, дуры плачут и делают глупости, чтобы потом сказать друг другу: «Так тебе и надо, дура».

Наверное, это действительно страшно звучит: мама и папа — это тоже мои дуры. Дуры — это все, кто удостоился права голоса между моими ушами.

Очень много голосов в моей голове. Я почти ничего не слышу из-за них. Я почти ничего не говорю. Я все время разговариваю сама с собой.

Кто я?

Где я?

Кто все эти люди?

Это — мои родители. Когда я вырасту, я тоже буду мамой или папой, только совсем другими, как моя тетя или как нельзя кстати. Я люблю маму и папу, даже если они думают — какое горе этот наш сын, какое горе этот наш другой сын, сын своего отца тоже почти отец, да какой же он отец, молоко на губах не обсохло, в пятый класс осенью пойдет, понабирал кредитов, а нам выплачивать, никакой благодарности, то ли дело эта наша дочь, она хоть далеко и себе на уме, а можно быть за нее спокойными, она у нас молодец.

У них никогда не было дочери. Кошка была, свадьба была, доброкачественная опухоль была, а дочь померещилась. Им все померещилось, на самом деле. Главное, чтобы они не знали.

Им еще будет отдано должное. Главное — я им ничего не должна. Потому что меня никогда не было. Не было ничего, кроме меня.

Вермут с бабушкиным компотом, кастрюлька свиных отбивных, дрожащих в холодильнике бирюса, липкими пальчиками по крохотным буквам, она становится все сексуальней, с каж-

дой минутой все сексуальней, я становлюсь женщиной, я пытаюсь держать себя в руках, в руках чашка с зайчиком, с вермутом, с компотом, потом может быть стыдно, пусть будет, только потом, come on baby light my fire, спичка, пачка, форточка.

Вермут с бабушкиным компотом наводит на любопытные размышления. Например о том,

пачка спичка заначка
форточка?
окно...

а за окном пустырь и поезда. Поезд — это ад на колесах, сад на колосьях, сам накололся. Сама напросилась

В поезде я больше мамы любила аллана карра. Сквозь санитарные зоны и прицепные вагоны он кричал мне в закрывающиеся уши: брось ее!

Последняя моя, 12.35, после послесловия, ни слова не говоря, в пустом тамбуре, распахнув дверь последнего вагона, победными воплями выдыхая дым, что сладко и приятно, и ветер в волосах, и пепел в лицо, и жаль, что папа не видит... Под стук колес, зубов и сердца швырнула пачку и спичку в проносящиеся кусты-колосья, словно колотья бросила, такая вот Последняя, все как аллан карр научил. Но чтобы она оказалась действительно последней, под колеса нужно было бросать совсем не ее...

А еще в поезде простыни воняли рыбой, и женщины воняли рыбой, и рыба воняла рыбой, только мужчины почему-то пахли одеколоном «Океан».

Тем временем форточка
спичка
пачка

всех лошадей мира за каплю никотина...
лошади всех стран, объединяйтесь!
всем сестрам по серьгам, всем лошадям по капле, но меня не интересуют ни сестры, ни серьги, ни капли, ни кони, ни люди, ни коты, ни скоты — никто!

никотин

я знаю, как сестрам отрезают уши
острым ножом
но это потом

можно продолжать бесконечно
никакого продолжения не будет, пока...

она сексуальней с каждой минутой
я знаю, чем все это закончится

В мире есть миллион Легких Способов. Я, например, знаю легкий способ бросить мужчину. Или бросить камень. Или бросить вызов. Что в принципе одно и то же.

Самое главное — суть легка.

Среди прочих способов я знаю легкий — бросить Я. «Я» легко и радостно бросается навстречу «мы».

А мы — это я и Бильжо, например. Хотя на самом деле, намного больше. Хотя на самом деле — нет вообще. Но все-таки я и Бильжо.

Если у меня вдруг возникнет желание завести какую-либо кошку — я удивлюсь.

Если у меня возникнет мысль: «Какая красота, жаль, что друга рядом нет», — значит, Бильжо решил остаться дома. Хотя его дом — это я

Наверное, теперь самое время рассказать про кастрюльку свиных отбивных в холодильнике «Бирюса», раз уж про вермут с бабушкиным компотом все сказано. Но это глубоко личное.

Ад на колесах стоил того и этого и прочих денег, часов и запахов, потому что рано или поздно закончился. Рано или поздно — сложно сказать, так как разница во времени — три часа по Гринвичу. Аллан Карр улыбался мне со дна рюкзака, а я улыбалась со дна вокзального перехода городу своей бабушки. Город казался мне плацкартным вагоном, потому что был бесконечным, пока я была в нем. А когда каждую секунду ты где-то да находишься — пойдешь разбери, где тамбур, а где турникет, где рундук, а где кондуктор троллейбуса. Или все же проводник? Так или иначе, билет превратился в букет, а начальник подвижного состава — в бабушку. Все встало на свои места, одна я осталась непонятно где. Непонятно, где мое место? Куда мне встать? Москва? Петербург? Уфа? Новосибирск? Верхняя боковая? Призовое? Призывают уступать беременным женщинам и лицам пожилого возраста...

Лицо моей бабушки пожилого возраста, но это не мешает ему улыбаться от всего тела. Она так и улыбалась, высматривая меня с балкона с петуниями. Она уже пять лет меня вот так высматривает, хоть и понимает с высоты своих лет, что высоты балкона недостаточно, чтобы увидеть за 5 тысяч километров, какие мы стали взрослые и красивые.

За мной уныло плелись все мои дуры, что-то мерзко гнусавя про слезы радости. То ли сад на колесах, то ли просто мозоли. Такое вот садома-

30. Я старалась их не слушать. Букет развалился.

А потом у моей бабушки случился юбилей. 25×3. 5×15. 10×8–5. Много разных комбинаций, и у каждой свой смысл. Кроме букета и себя самой у меня ничего не было, поэтому мы с ним оказались главными подарками. Хотя были и еще. В пакетах, коробках, конвертах и так. Это интересно — почувствовать себя подарком. Например, телевизором. Или набором терок. Или каким другим сервизом. Почувствовать и оказаться лучше, чем.

Так вот. Среди всего прочего бабушка приготовила свиные отбивные. Юбилей прошел, а отбивные остались. Они лежат в кастрюльке, что стоит в холодильнике бирюса, который находится в комнате, где сижу я. Холодильник включается и трясется, крышечка звенит.

Можно открыть среди ночи дверцу, ослепнуть от вспыхнувшего света и все понять. Совсем все. Настолько все, что и умереть станет не страшно. Или можно плеснуть еще вермута в компот. Или выпить яйцо. Или сделать секретик в морозильной камере, а потом уснуть между баночками черносмородинового, пока снова не зажужжит и не затрясется. Начинать жить можно в любом месте.

Например, в утре. Утро бывает не каждый день, но довольно часто. Иногда утро начинается музыкой. Мой телефон, «Love you», сквозь сон я сжимаю его в кулаке, я беру его с собой под одеяло, он исчезает где-то в клетчатых складках, где-то под мышкой, под правой лопаткой, он жужжит и поет, а я обнимаю, обнимаю, обманываюсь, обхватив подушку, запутываю, засыпая, пальцы в волосах, это мои, но я сплю и не знаю, уткнувшись носом в плечо, 9.30, пять минут еще, не уходи, сегодня я не встречу тебя в метро, 9.33, пятая пуговка на рубашке откушена мною была, 9.48, ушная раковина — как бутон гладиолуса, если потрогать там мизинцем, 9.50, из нее вылетит шмель, будет петь и жужжать..., 9.55, «love you love you love you». Я встаю.

Хотя утро может начаться в любой момент. Утро — это когда все мои дуры, умницы, паяцы, тупицы, красавицы и прочие маленькие чудовища и большие начальники еще спят, а я одна проснулась. Даже если я проснулась в метро, в переходе с арбатско-покровской на шумерско-аккадскую — я не шевелюсь. Я иду, но не шевелюсь. И если дышать — то только шепотом, лучше через уши, а в ушах, как в горах — тишь и блажь.

Утром мне совсем не важно, кто такое «мне». То не мальчик и не девочка, и не на кого ты хочешь быть похоже, и не кем ты станешь, когда выстоишь, и не кого ты больше любишь, и не мама, и не рама, и не харе, и не мыло. И уж конечно, не я-мы-вы-ты-то-сё-те-как-вас-там. Утром — утро. И всё. Что только может быть.

А потом они просыпаются, одна за другой, стучатся в солнечное сплетение, лазают по ноздрям, ушам и карманам, грызут мои ногти, клянчат мелочь на папироски или разрешают мировые конфликты, удивляясь, как это раньше никто до такого не додумался. Они дуры, но я терплю, мне сказали, что надо терпеть. По крайней мере, с ними я не испытываю проблем самоидентификации и могу уверенно ответить на ряд вопросов, не глядя в паспорт.

Я где-то слышала, что у меня слишком много свободного времени. Говорят, от этого все проблемы. Хотя это не совсем так. Еще это и иначе. И ни как угодно больше. Времени... Свободного... много...

Иногда говорят, я слышу, как надо жить. Кажется, моя бабушка знает Легкий Способ чего угодно. Даже больше: она знает Лучший Способ. Нет причин не верить. Но почему же тогда, бабушка, ты живешь так тяжело?

Бывает, он совсем не хочет вылезать из дома. Но его главный дом — это все-таки я, поэтому иногда я и не спрашиваю. Но даже если потащить Бильжо с собой в такой день — толку от него не добьешься. Конечно, он будет миролюбиво и равнодушно наблюдать, как ты висишь на поручне в пустом вагоне, или шагаешь, далеко вытягивая носки, по тонкому поребрику, иногда оступаясь и спрыгивая, или пьешь кофе из закрытого бумажного стакана, трубочкой выскребашь пену со дна, или нюхаешь красный деревянный шарик, или замираешь, подслушивая разговоры в незнакомых окнах. Он, может, и рад бы вместе с тобой выскребать, подслушивать и нюхать, но механизм этих простых вещей ему никак не объяснишь. Он понимает только то, что видит.

Но определенно, бывают дни, когда лучше бы подумать: «Жаль, Бильжо нет рядом!» — чем долго молчать вместе об одном и том же.

А дни, как и все остальное, тоже бывают разными. Например, есть день среда, а есть день бесполезный, так же как и бесконечный, не говоря уже о зимнем, трудном, добром и рабочем.

День — не больше чем слово между утром и вечером, но каждый день я обязательно произношу его, если вообще в этот день разговариваю. Незаменимое слово, если подумать. А незаменимое — потому что никто о нем особо не думает. Вот и я лучше не буду пока. От греха подалее.

Днями принято мерить время. Так что день может быть коэффициентом, множителем, слагаемым и неизвестным. Но про это тоже опасно думать, как и про неевклидову геометрию, неразенталеву орфографию и неменделееву химию.

Мне сказали, что опасно. Хотя на самом деле я очень люблю, потому что тогда все (ну или почти все) мои дуры молчат и не лезут. Неграмотные потому что, понятное дело, дуры же. Хотя ни в чем нельзя быть уверенной наверняка: быть может, это размышляю и не я вовсе, а...

Сказать по правде, кроме них, я боюсь только войны. Но, несмотря на это, смотрю новости. Редко и за деньги. И думаю, что так и надо: раз в неделю и чтобы тебе платили. От них я сначала плачу по полдня, потом у меня распухают глаза, потом засыхают, потом мне становится все равно, потом даже интересно, но не надолго, а потом я выключаю свет, закрываю дверь на ключ и выхожу на улицу, где всегда есть риск оказаться в этих самых новостях. Или в метро. Обычно все-таки в метро. Вот тогда-то, глядя на групповое отражение выражений лиц всех дур, искажающееся в мутном оргстекле, я и люблю подумать о чем угодно другом, кроме войны. Например, о неколумбовой географии.

О Доминиканской республике вот.

Когда-нибудь я непременно в нее уеду.

«Смотри-ка, мозги потекли», — показывая суставчатым пальцем на асфальт, скажет одна бабушка другой.

Да ведь не только мозги, еще же печень, колени, носоглотка и прочие лейкоциты и волосы, и не потекли, а даже полетели, потому что иначе в Доминиканскую республику не попасть. Если только там переродиться. Но это не самый Легкий Способ, ведь тут никогда не угадаешь. А лететь надо будет долго, и, наверное, много детей успеют увидеть меня в самолете типа «боинг», растопырить указательный и средний и загадать чего только ни пожелают. Хотя в Атлантическом океане они, кажется, не водятся, а над ним лететь дольше всего. Ну да ничего.

А когда мои дуры произведут на доминиканской земле ряд нехитрых экономических махинаций и мы станем главой своей собственной

компании (газетный киоск или пара биотуалетов меня более чем устроят), продемонстрируем глубокое знание доминиканской литературы и живописи и вообще покажем себя со всех положительных сторон, мне выпишут настоящий доминиканский паспорт.

И уж мы с Бильжо придумаем, что делать с теми ста странами, где нам станут безвизово рады.

А как мы сами станем рады!

Тому, например, что у нас может быть свой дом, ведь это вполне естественно — когда у тебя есть дом. И даже еда, если уж на то пошло. И даже останутся деньги, которые можно будет раздавать итальянским музыкантам на папиросы и распутных женщин, а не почтенным женщинам на полкирпичикасерого и молоко.

И пусть мозги текут своим чередом, плавясь от жары, переплавляя простые слова типа «спасибо» и «пожалуйста» в *izvolte's* и *blagodaru*. Я смастерю себе боа из языков Набокова, Чехова, чешского, жестового, суахили, программирования, буду выходить в нем на светские рауты, на гнусные эмигрантские сходки, на рынки и в национальный парк.

Еще я обязательно заведу себе охотничью свинью, если только не уйду с табором французских цыган. А если уйду — то тем более. Один месяц в году я да свинья будем ходить по черные трюфеля, чтобы все остальные месяцы ходить по столовым, кафетериям и филармониям. Точнее, *prostite*, по бистро, пабам, клубам и где только захотим. Моя свинья-гриболов найдет товар, дуры — черный рынок черных трюфелей, а мне останется только найти в словаре, как это слово склоняется и куда там ударение, потому что больше я пока ничего не могу сделать.

Хотя могу я что угодно. Я иногда начинаю бояться самой себя — так много я всего могу. Если уж начистоту. Есть вещи, которые я могу сделать, но не могу, а есть — могу, но не буду. Есть не хочу — не могу — не буду, а есть могу — не хочу — сделаю. А есть хочу — не могу — не буду. Есть даже и не могу — хочу — сделаю и неважно, что получится. И еще много комбинаций с нюансами и подводными камнями. И если отбросить все «не», «но» и «ну» — выбор останется совсем небольшой, как раз по мне, и должно бы быть не трудно сделать его правильно. Но почему же тогда почему, почему все так... а не иначе никак.

И можно проглотить юбилейную монетку или сунуть ладонь в огонь, или открыть глаза на дне горячей ванны, или затолкать в ноздри па-

пины заправки, или... ну понятно. Но я, к сожалению, не буду.

Зато нельзя перестать дышать так, чтобы умереть, или оторвать себе ухо, так же как и выпучить глазное яб... ну тоже понятно. И слава богу.

Но совершенно непонятно, что мешает мне быть там, а не здесь, и не потом, а сейчас. Ведь все, что нужно, есть: я есть, трюфельная свинья есть, есть французский лес и даже трюфели, скорее всего, хотя и не сезон нынче.

Вот, кстати, еще одна комбинация: не могу и не хочу, но если вдруг, то буду.

А бывает хочу-не хочу-но не хочу-поэтому могу-но не буду-хоть и хотела-потому что не могу-но все равно буду! И лучше бы так никогда не было.

Как бы там ни было, у меня совершенно точно есть Бильжо. Он хоть и не трюфельная свинья, но наши находки тоже многого стоят. Правда, продать мы их пока можем только сами себе. Но это не Легкий Способ. Люди часто выбирают Нелегкие Способы. Например, бывают такие, которые все сами у себя выигрывают. Или покупают. Или отбирают. И даже воруют. А мы дарим.

Легко дарить, когда любишь. Я начинаю забывать и путаться — кого я там больше жизни любила? Папу? Гагарина? Бильжо? Или Того, который...? Ведь был же кто-то конкретный... А, не важно. Когда любишь так сильно, то уже и не обращаешь внимания. А потом становится все равно, кого. А потом и вовсе отличия между Тем и Всем стираются, и любишь уже просто так, все подряд.

Я подозреваю, что это и есть Самый Легкий Способ всего. И даже ничего делать не нужно: все — само.

Я выбираю любовь, и Бильжо меня поддерживает, ведь ему нет особенной разницы. А мои дуры выбирают другое. Например, страх. Я говорю им: «Девочки, опомнитесь!» — но их много, а я одна. Может быть, если бы нас было хотя бы двое, если бы хоть кто-то кроме меня любил их, они бы прекратили устраивать панику. Им нравятся эти игры. Я стараюсь не оставлять им повода, но он, кажется, и не нужен. Когда дуры перестали бояться, что нам будет нечего есть, негде жить, некого любить, они придумали себе новые правила. Я отчаялась им что-то объяснить, я сажусь и закурываю, наблюдая за переполохом, вызванным Третей Мировой, или

воплощением секретного плана сионистов, по которому мы обслуживаем транссибирскую магистраль, а потом умираем мучительной смертью, или сжимаем остывающую руку папы, или вскрываем конверт с положительным анализом на вич... Дуры радуются, когда им удастся довести меня до слез. А им удастся. И я уже перестаю различать, где я, а где они, мне страшно спускаться в метро, я чувствую, как у мамы остывает сердце, и обгоревшее тельце Фе теплое, словно живое, только хвоста нет, я нащупываю уплотнения по всему телу...

Рано или поздно дурам надоедает, и они придумывают себе новую забаву.

А ведь я помню время, когда их не было. Помню светящуюся белую комнату, помню пальцы в известке, на зубах скрипит, если их облизать, на полу разложены большие листы с черными схемами-чертежами, мы с папой на них сидим, потому что ремонт и мама — архитектор, она целует нас в лысые головы, и никаких дур, никакой даже меня, только комната, чертежи и эти двое. И Фе еще непонятно что за фрукт. Я бы хотела всегда так жить, но, скорее всего, не смогла бы, мне давно уже не четыре года, мне несколько раз по четыре. И за эти несколько раз я много чему научилась. Я научилась бояться, обижаться, обижать, забывать, забивать, ненавидеть, завидовать, злорадствовать, еще писать и читать. Многому я уже разучилась за ненужностью, но дуры как пришли однажды, так никуда и не делись. И мне от них деться некуда.

Говорят, это все оттого, что у меня слишком много свободного времени. Но что бы я ни делала, все время свободно, пока я свободна от них. А им постоянно его не хватает, все им мало, тесно, неудобно, скучно, холодно, некрасиво. А ведь я все для них — все что угодно.

Я от них — куда угодно.

Может быть, мне не хватает мужества и поддержки показать, кто в доме хозяин. Зато поддержки предостаточно у Бильжо, а я его дом, так что иногда нам все же удается навести там порядок.

И когда они, наконец, утихают, становится видно и слышно все остальное. И целый мир становится здесь сразу весь, и у меня под ногтями то же самое, что у прохожего в кармане, а в кармане то же самое, что в лесах Амазонки. Я там не была, но точно знаю. Все — то же самое. Любое — ничуть не хуже. А дурам не объяснишь. Дуры знают разницу даже между черны-

ми трюфелями и белыми, хотя никогда их не пробовали. Но черные — дороже.

Конечно, это полезные знания. Без них я бы, наверное, сгинула и в амазонских лесах, не говоря уже о тех вагонах, кухнях, офисах, павильонах, дорогах и диалогах, в которых я неизбежно оказываюсь каждый день.

Куда угодно. Например, в город. Я научилась их обманывать, это просто. Можно убедить их, что пачка пластилина сделает нас абсолютно счастливыми. Ну или пачка макарон. Или сигарет. Или чего угодно еще, не так уж и важно. Главное — вытащить себя за дверь, отправить в какую-нибудь сторону, забыть, зачем шла, забыть, откуда и кто. Выплюнуть дур вместе с полным ртом вишневых косточек и остаться, наконец, один на один уж если не с собой, так хотя бы.

Хотя бы с огромным бензиновым насекомым о двенадцати колесах с металло-хитиновым туловищем, скребущемся в родной муравейник сырного завода. Оно фыркает и рычит, поблескивая катафотами, а из-под брюха тонкой струйкой сочится молоко, живое, как народившийся теленок, в свете этих страшно-оранжевых фонарей.

Иногда я приобретаю то, за чем шла, но это чистая случайность. И ничего особенного не происходит. Дыхание — уже событие, а я бы с радостью влюбилась, но для этого нужно быть не влюбленной.

Еще нужно позвать мужчину и нарисовать ресницы, нужно провести стрелки на чулках, слушать Эдит Пиаф и рисовать его глаза в блокноте. Но самое главное — надо постоянно ждать чего-то.

Вот поэтому я и влюблена в Бильжо. Это он меня всегда ждет, а я не теряю времени, оно и так слишком свободно, чтобы его терять.

Впрочем, иногда... Но не будем. Не будем.

Мое второе лицо — Его лицо.

Медленная трещина от подбородка ко лбу...

Разбитая вдребезги чайная ложка, клубничное мороженое обнаруживает свойства бифштекса, если ложка с копченым дном, птицы Новой Зеландии уже летят через океан, но они не спасут того, кто ел стеклянное варенье, кто накапал кровью на газоны, друг мой.

Пока я стояла на светофоре, ушел последний автобус и выпал снег. Я пойду по времени пешком.

Я трогаю лицом руки, волосами лицо, где мое, где оно, рукав куртки, карманы, пуговицы,

шнурки, замки — я хочу обратно. Если бы мама только знала, куда она меня родила. Если бы я знала, что такое мама, что такое можно, что такое важно, что такое сложно, — не проступили бы бензиновые вены на пунцовом асфальте, не влетела бы сталинская высотка в открытую дверь балкона. Не терять лицо, позабыв слова. Бильжо не видел, Бильжо не выдаст.

Вернувшись домой, не зажигать свет, пусть за полночь, стоять в темноте, пока стекает одежда — посреди комнаты хлопчатобумажная лужа. Лежа в постели, мелкой дрожью, не будить Бильжо, клеммы под кожей, вспышки глаза жгут. Дуры, вы тут?

Их сонные злые пальцы, они гладят меня по щеке, глядят с любовью, срывают одеяло и пижаму. Я срываю голос. Я закрываю глаза.

Это всего лишь явь, всего лишь явь.

Всего лишь я.

Смотрю с самого дна

Как наливаются золотом шторы, как проступают из-под воды углы окна, поднятая от света рука падает на лицо, на съеденье рыбам, на радость детям, на долгую память, на вечный покой. Форточка взрывается стайей сияющих мальков, и голубь курлычет, захлебывается. Я ловлю ртом пузыри и уже ничего не боюсь.

Я просыпаюсь каждый день, а умираю каждый раз — вот и вся разница. Так много раз, что не помню даже последний. Мне хватит пальцев, чтобы закрыть уши и зажать нос, а рот и так не откроется. Мать сыра земля, раз по-хорошему с ними нельзя. Пух сухой песок, последний бросок, первый вдох-выход, вход-выход, в цветных крапинах темнота, парад планет, а меня и нет.

Сколько дней прошло? Бильжо не скажет, Бильжо живет в позапрошлом году, а без меня не живет вовсе. Кто Бильжо? Где Бильжо? Ну да ничего, дни прошли, и это пройдет. Дни прошли, а я осталась. Дни прошли

а я

сйду на полу, голая, с коленкой почему-то разбитой.

Мне кажется, пора сделать снимок. Выдержка диафрагмы, объектив затвора, белый баланс экспозиции и вспышка, вспышка — весь он. Я маю его пальцем.

— Бильжо!

Он молчит. Он всегда молчит.

Я беру его на руки и фотографирую небо.